

Юрий Ширин: «Я бы посоветовал не ходить в археологию» / Алла Мождженская, специально для frant.me

Пожалуй, одним из самых известных археологов Новокузнецка является Юрий Ширин. Как преподавателя его знают студенты НФИ КемГУ, как с замдиректора по науке историко-культурного музея-заповедника «Кузнецкая крепость» с ним знакомы ценители и знатоки старины.

Корреспондент Frant.me побеседовал с Юрием Шириним об археологии, археологах и городе Новокузнецке.

- Юрий Викторович, с прошедшим праздником! Вы связаны с археологией очень долгое время, этот праздник для вас как второй день рождения. Расскажите, как вы пришли в археологию, что повлияло на ваш выбор.

- Я не собирался заниматься археологией как исторической наукой, она меня интересовала как естественная наука, как развитие жизни. И получилось так, что я хотел изучать палеолит и происхождение человека. А когда я приехал учиться в Томский университет, оказалось, что Томская область находится на болоте, где палеолита нет, и в принципе нет человека, который мог бы им заниматься. Тогда я переквалифицировался на эпоху раннего железа и постепенно стал заниматься исторической частью археологии.

- Фильмы про Индиану Джонса смотрели?

- Ничего подобного! Я даже исторические книжки не читал, потому что мне скучно было. Что там, пять-семь тысяч лет назад, это почти вчера было! Гораздо интереснее то, что было сто тысяч лет назад, миллион... В ТГУ я попал так. Написал во все вузы страны письма с вопросом: где занимаются археологией? И выяснил для себя интересную ситуацию, что у нас археологов не готовят ни в одном вузе. В Саратовском, Питерском, Московском университетах мне ответили, что там готовят учителей истории, после окончания их отправляют в школы. Единственный, кто их готовил, был Ташкентский университет. Но я решил не ехать так далеко, а поступил в Томск, потому что

слышал уже о нем от старшеклассников, ездивших туда поступать.

- Тем, кто сегодня собирается поступать на направление «археология», что бы вы могли посоветовать?

- Я бы посоветовал не ходить в археологию.

- Почему?

- Она не нужна нашей стране как род занятий. У нас в списке перечня специальностей нет специальности «археолог». Есть «историк», «учитель истории».

- Откуда же они берутся?

- Они как-то «самозарождаются». Я думаю, что так будет еще очень долго, потому что археология нужна для развитых стран, там, где люди понимают, зачем им нужна эта информация. Развитые страны вкладывают в археологию большие деньги, соразмерные с военными затратами. У нас нет такого и, я думаю, в ближайшее время не будет. Поэтому я бы в археологию никого не призывал, потому что кому надо – он сам туда попадет, самозародится.

- Вы «копаете» уже долгое время. Если оглянуться назад, какие раскопки для вас были самыми знаменательными?

- Я «копаю» уже лет тридцать, и, рефлексирюя, оценивая то, что мы за это время раскопали - единственный памятник, ставший наиболее ценным – могильник третьего века, который мы раскопали на Верхней Островской. Это самый яркий памятник у нас в регионе, коллекция белой бронзы находится сейчас в краеведческом музее. Это белая художественная бронза, ее сохранность великолепная. К настоящему времени этот могильник мы уже почти весь раскопали. Хотя у меня есть подозрение, что там еще что-то может быть. И, кстати, этот памятник был известен еще и первому нашему музейщику Ярославцеву.

- Как вы думаете, в чем специфика археологии именно в Новокузнецке? Чем она отличается от Кемерово или других

районов Сибири?

- Древности, конечно, не ограничиваются каким-то узким локальным районом, таким как Новокузнецк. Это региональные древности. И Кемерово входит в этот же круг. Поэтому от Кемерова мы мало чем отличаемся. Но серьезно отличаемся от Хакасии, потому что это район, где развивались крупные цивилизационные центры. И это не случайно, так как там благоприятные природные условия. Кемеровская область по многим параметрам -неблагоприятное место. Здесь очень разнообразный ландшафт, очень красиво. Соответственно, здесь невозможно развивать хозяйство, основанное на устойчивом природном комплексе. Каждый год меняется погода, меняется количество осадков. У нас растительность на одном холме разная с двух-трех сторон. Это говорит о том, что там разные почвы, и нет возможности посадить монокультуру. Значит, мы должны посадить много культур. Как итог – «раздрай» в хозяйстве, невозможность вложиться во что-то конкретное. И даже если у вас удачное хозяйство, вы не сможете никуда сбыть излишки продукции: у нас очень плохая инфраструктура. И все это приводит к тому, что здесь остается только «слабое» население, которому безразлично, как оно живет. Селекция такого населения идет тысячелетиями. И кто здесь остался? То население, с которым столкнулись русские в XVII веке - несчастные, угнетенные, не способные противостоять глобальным внешним угрозам. Но ведь эти условия сохраняются до сих пор.

- Как это отражается в археологических памятниках?

- В результате в культурах регионов нет никаких пиков, расцветов, стабильности развития. Здесь нет развитого искусства, так как оно может возникнуть только на основе развитого хозяйства. Соответственно, у нас убогие памятники. Это видно очень наглядно. Стоит зайти в музей «Кузнецкая крепость» и посмотреть коллекцию бронзовых изделий: скифского времени, средневекового. А потом зайти в Мартыановский музей в Минусинске и посмотреть эти же разделы в их экспозиции. Вас поразит то, что, допустим, наши предметы по сравнению с ними – удивительно мелкие. Они отличаются и объемами, и качеством. И плюс сам объем находок. В Минусинской котловине их на несколько порядков

больше.

- Получается, перспектив у археологической науки в Кузбассе нет?

- Напротив. Археологическая наука – это не столько поиск сокровищ. Для археологии важен источник информации, важно все, что характеризует жизнь человека. Нам это нужно, чтобы понять природу человека и как он ведет себя в разных условиях. Вот очень интересно, почему в древности здесь оставались ослабленные люди, которые жили, как придется... И почему до сих пор так? Ослабленные люди, которым все равно, как они живут, и они не меняют свою жизнь к лучшему. А остальные вокруг этим пользуются. Чтобы произошли изменения, нужна политическая воля. Раньше ее не было, потому что, допустим, западным монголам было удобно угнетать тех же шорцев. Кто не хочет, чтобы его угнетали, тот уезжает. И те древние культуры, которые не хотели здесь оставаться, уходили. Поэтому когда в нашем регионе говорят о коренном населении, мне очень интересно - о каком? Здесь никто не оставался более чем на 200-300 лет. По материальной культуре видно, что, прожив в этом месте два-три поколения, люди уезжали. Если кто-то попадал сюда случайно, например, прячась и убегая от войны, больше одного поколения они не оставались. Скифские памятники, которые у нас появляются в VI веке до н.э., у них нет продолжения развития культуры в V в. Они ушли в Хакасию, в сторону Омска, в Причерноморье.

- Можете оценить, имеют ли современные новокузнецчане интерес к археологическим раскопкам?

- Я думаю, что есть общечеловеческий интерес. Хотя ни в одном музее не бегут смотреть на археологические находки. Даже в Эрмитаже в археологию не ходят, туристы идут туда, где им понятно. Это, кстати, показатель того, что общество не готово воспринимать археологию как необходимость.

- А вообще есть желающие ездить с вами на раскопки, «в поля»? Те же студенты?

- В очередь, конечно, никто не стоит. И студенты очень удивляются, когда их везут на раскопки. Они с большим удовольствием оттуда бы ушли. Даже парни сейчас не рвутся в

экспедицию, хотя раньше такого не наблюдалось.

- Но ведущие университеты России эти работы оплачивают. Как обстоит дело у нас?

- Там, где это оплачивается, нужно иметь в виду, что это хоздоговорные работы. Их много в Краснодарском крае, Ханты-Мансийске, то есть там, где идет интенсивное строительство и есть необходимость перед строительством провести раскопки. У нас обычно приглашают археологов для подтверждения, что на месте построенного здания не было памятника.

- Куда же двигаться дальше?

- Здесь можно вести речь о том, что есть археология академическая, музейная и вузовская. Они всегда в нашей стране шли паритетно, на равных. Но вот сейчас, к примеру, академическая археология в загоне, так как меняются академические структуры. Сегодня достаточно активно начинает развиваться вузовская. Но, в силу происходящих изменений с гуманитарными вузами в нашем городе, учебные планы сократились. Если раньше мы выезжали почти на месяц работ со студентами, то сейчас с трудом набирается 14 дней. Сократилось количество бюджетных мест - до 15. И куда я с 15-ю барышнями поеду копать курганы? Причем музейная археология у нас в регионе возникает тогда, когда появляется человек – энтузиаст, который этим занимается. Но это маловероятно, так как их интересуют не маргинальные зоны, а центры развития. Хотя и маргинальные зоны вкладывают определенную частичку в общую мозаику. Тогда становится понятно, почему эти центры развития так себя ведут, как они находят силы для существования в кризисных условиях. Вот наглядный пример - катастрофа 536 года. В результате сверхмощных извержений вулканов в северном полушарии, небо затянула пелена и почти на 4 года образовалась всесезонная «зима», подобная той, которая может возникнуть после обмена ядерными ударами. В результате погибло огромное количество культур с развитой экономикой и производящим хозяйством. А у маргинальных регионов, привыкших жить в таких ничтожных условиях, начался расцвет. Это касалось и нашего региона то время. И если осознать, что в таких зонах цивилизация имеет возможность сжаться и потом снова расти, то понимаешь, что в кризис цивилизации наличие

вот таких «маргинальных карманов» ее спасает.